

Деньги и поэт

Почему Сергей Гандлевский отказался от премии Антибукер

4 февраля "Коммерсантъ" сообщил на первой полосе о том, что поэт Сергей Гандлевский отказывается от премии Антибукер, присужденной ему за лучшую поэтическую книгу года. Дано слово и самому лауреату. На следующий день "Независимая газета" ответила на сей шаг поэта пространным комментарием "Поэт и деньги". Вот этим и был вызван наш разговор с Сергеем ГАНДЛЕВСКИМ.

— Вам было предложено получить премию через банк за вычетом налога. Это ли стало причиной вашего демарша?

— Нет, не это. А та возмутительная форма, в которой мне было предложено это сделать.

— Вы уже успели ознакомиться с версией "НГ"?

— Да. Оргкомитет премии Антибукер дал оповедь рвачу-поэту Гандлевскому, забыв сгоряча, что речь идет в конце-то концов об отказе от денег. Я, грешным делом, не дервиш-бессребреник, но, если мое чувство собственного достоинства в несколько раз превосходит мою же алчность, дела мои не так уж плохи. Сейчас как раз тот редкий случай в жизни, когда чувствам достаточно точно найден денежный эквивалент.

— Хотели бы вы еще раз объяснить читателям свою позицию в этом несколько скандальном споре?

— Нет. Что я хотел, было мною сказано в "Коммерсанте". Не будем множить историй в духе Зошенко. Люди, которым отравительны необязательность и неуважение, присущие советским учреждениям, поймут меня с полуслова. А те, кто свылся с казенной атмосферой и считает ее единственно возможной, решат, что я крохобор и склочник. На здоровье. У меня с руководством "НГ", как оказалось, противоположные представления о благовоспитанности. Видимо, двадцатипятилетний навык литературных занятий приучил меня оценивать на вкус и обыденные ситуации. У "НГ" некрасиво получилось. "НГ" объявила о том, что премия Антибукер "возвратит серебряный век русской словесности". Меньше чем через неделю эстеты хамили моей жене, а через две — тиражировали это хамство в 60 тысячах экземпляров. Напирая сейчас на "налоговую" сторону дела, они притворяются, что не понимают, о чем в действительности идет речь. А может быть, и на самом деле не понимают. Я отказался платить налог на свое человеческое достоинство. Вернее, я заплатил его. Прошу прощения за выпренность.

— Но ведь заголовок статьи в "НГ" тоже звучит почти величественно: ПОЭТ И ДЕНЬГИ. Тема русская и шепетильная. И, видимо, до сих пор опасная для поэта. Может, от греха подальше, откажется теперь и от Малого Букера, полученного в декабре?

— С какой стати? Я литератор, а не профессиональный скандалист. И умею испытывать благодарность и говорить "спасибо". Да, букеровский банкет не был таким пышным, как антибукеровский, зато и все последующее было в стилистике не Зошенко, а Диккенса: они были вежливы и точны.

— Наверное, в любом случае вы теперь будете с опаской относиться к присуждению каждой новой премии?

— Почему, я премиям рад. Но давать их тоже надо уметь. Против института премий как такового у меня никаких возражений нет, если победу и поражение не принимать слишком близко к сердцу и не путать диплом лауреата с контрамаркой в вечность. Я был не так давно удостоен премии журнала "Знамя". У меня остались самые теплые воспоминания об этом событии. Как сотрудник журнала "Иностранная литература" я немного знаю ситуацию с присуждением премий "ИЛ". Они сравнительно скромны, но журнал и меценаты точны в выполнении своих обязательств перед лауреатами и никому не пускают пыль в глаза. Что объясняет — просто это делается интеллигентно и в хорошем смысле депрестабельно, а не по-кулечески, с неизбежным похмелем. В конце концов, всё упирается в соблюдение правил приличия.

В одних магазинах тебе говорят: "May I help you?", в других — "Это ваши проблемы". Но когда нет выбора, в плохой магазин ты все-таки вынужден идти, иначе помрешь с голоду. Литературная премия, к счастью, не предмет первой необходимости. Если ноги за ней не идут — ноги правы. Дело не в моей особой чувствительности, а в том, чтобы никто не менял по ходу дела правила игры. Чтобы лауреат не уподоблялся Золушке в двенадцать ночи, когда карета превращается в тыкву, а кони — в мышей. Я не самозванец, а приглашенный с должной торжественностью и учтивостью. И имею право рассчитывать если не на почтительное, то по крайней мере на уважительное к себе отношение и в отсутствии репортеров.

— А все-таки, положи руку на сердце, денег жалко?

— Конечно, жалко. Но как я говорил еще в своей предмальной речи, лирический герой не сводит с автора внимательного взгляда и мешает ему пользоваться кое-какими удобствами жизни. Вдруг обнаруживаешь, что ты не свободен — ты заложник как минимум собственной поэтики. Не получается: писать классическими размерами, а в быту, даже если это был литературный, следовать традиции классической советской безропотности.

— Ну хорошо. Итог — денег нет да еще и всем обаяющая почесть. Что дальше?

— Дальше — жить как жил. Зато на случай скверного настроения у меня будет одним постыдным воспоминанием меньше.

Многу, разумеется, дивого уязвленное самолюбие. Но, может быть, моя внешне экстравагантная выходка сослужит кому-то добрую службу. Есть талантливые люди. Выходят и будут выходить талантливые книжки. Множатся и премии. Хорошо бы они всегда были к чести дающих и к радости берущих.

Я скандалила не искал, и деньги бы мне пригодились.

— Но вы его, я имею в виду скандал, все-таки нашли...

— Он меня нашел. Просто на этот раз я не стал уворачиваться.

Беседу вел
Игорь КУЗНЕЦОВ